

В маленькой деревушке одно за другим зажигались окна. Вскоре вся она залилась светом. Деревенские псы зашлись неистовым лаем — протяжным, тревожным, будто почуяли нечто невиданное и жуткое.

Сидящий в позе лотоса Чу Вэй медленно открыл глаза. Напротив него, в точности повторяя его позу, застыл крошечный, размером с ладонь, бумажный человечек. Над его плоской головой парил тонкий бумажный меч.

Их окружила мягкая духовная энергия, отсекая этот уголок от внешнего мира и создавая уединённую обитель.

Чу Вэй поднялся и тихо спросил:

— Шифу, я ненадолго отлучусь. Вы пойдёте со мной?

Пляшущий в воздухе клинок внезапно дрогнул и осыпался мелкой бумажной пылью. В то же мгновение на пол посыпались клочки разорванной фигурки.

Чу Вэй нахмурился.

— Бумажные фигурки слишком хрупкие, — со вздохом констатировал он. — Они не способны выдержать силу вашей души, шифу.

Обычным зрением ничего нельзя было разобрать, но Чу Вэй отчётливо ощутил, как перед ним соткался смутный, едва уловимый силуэт.

Юноша поднял голову и, повинувшись интуиции, уставился прямо туда, где стоял невидимый собеседник.

— Шифу, теперь... я уже могу вас чувствовать.

Воздух едва заметно колыхнулся, и до него донёсся знакомый глубокий голос:

— Когда достигнешь нужного уровня самосовершенствования, ты сможешь меня и увидеть. Идём.

Чу Вэй невольно улыбнулся. Он несчётное количество раз — и наяву, и в грёзах — пытался представить, как выглядит его наставник.

Годы, проведённые бок о бок, сблизили их настолько, что юноша давно привык полагаться на него во всём. Пока шифу рядом, на душе всегда было спокойно.

Прежде чем переступить порог, Чу Вэй прикрепил к дверям дедушкиной комнаты защитный талисман, чтобы уберечь сон старика от ночных тревог.

Стоило ему выйти на улицу, как навстречу выбежал Чэн Даню — взъерошенный, в одной майке и семейных трусах. Судя по всему, он в спешке вскочил прямо с постели.

— Чу Вэй! Так ты тоже не спишь? Идём быстрее, там стряслось кое-что ужасное!

— А смысл спрашивать? — отозвался Чу Вэй, не сбавляя шага. — Наверняка беда у дяди Чжана. Я ведь предупреждал, что этот даос — обычный проходимец, но ты мне не верил.

Даню попытался возразить:

— Но даочан тут ни при чём!

Чу Вэй не стал тратить время на пустые споры и лишь ускорил шаг.

Навстречу им то и дело попадались взволнованные односельчане.

— Беда! Беда стряслась! Лао Чжан... Лао Чжан восстал из мёртвых! Чуть жену свою не придушил!

— Да как же так? Разве у них в доме не остановился почтенный даочан?

— Сам толком не знаю. Пойдём скорее, на месте разберёмся!

Толпа, переговариваясь на бегу, быстро догнала их. Вскоре все собрались у дома покойного дяди Чжана. Ворота усадьбы были наглухо заперты — восставшего мертвеца удалось запереть внутри двора.

Люди жались друг к другу перед забором. Поодаль, дрожа всем телом, стояла бледная жена Лао Чжана. На её шее багровели отчётливые следы удушения.

Перед воротами метался старый даос. Его лицо перекосило от страха, а в руках ходуном ходила ритуальная метёлка-цуйвэй.

Деревянные створки содрогались от мощных, глухих ударов изнутри. Несколько крепких мужиков, обливаясь потом, изо всех сил навалились на ворота, пытаясь удержать их.

Двое дежурных полицейских лихорадочно тыкали в экраны мобильных телефонов, пытаясь вызвать подкрепление, но всё было тщетно — сеть полностью пропала, и на экранах горело

унылое «нет сигнала».

— Даочан, умоляем, сделайте что-нибудь! Долго мы так не продержимся!

— Да, бессмертный мастер, проявите своё великое могущество! Усмирите Лао Чжана, проведите ритуал!

Даос начал неистово скакать из стороны в сторону, размахивая персиковым мечом и выкрикивая бессвязные заклинания. Он то и дело лепил бумажные талисманы на ворота и стены, но от них не было никакого проку — удары с той стороны становились лишь яростнее, а доски ворот уже начали трещать.

Проходимцу стало не по себе. По его вискам катились крупные капли пота, но он изо всех сил старался сохранить напускное величие.

— У этого злого духа слишком сильная привязанность к миру живых, его тёмная сила безгранична! — заголосил он. — Обычными средствами его не унять, нужна свежая кровь чёрной собаки! Живее, тащите её сюда!

— Кровь чёрной собаки?! Да где же мы её сыщем среди ночи?

— Погодите! Даню, у тебя ведь пёс совершенно чёрный! Тащи его скорее сюда!

Все присутствующие как по команде обернулись к Чэн Даню.

Парень оторопел:

— Но... я же растил его столько лет...

Староста нахмурился и сурово оборвал его:

— Сейчас не время для сантиментов! Чья жизнь тебе дороже — паршивой псины или людей в деревне? Беги давай, пока беда не случилась!

— Верно говорит староста! Собаку новую заведёшь, а вот если Лао Чжан вырвется, тут половина деревни поляжет!

— Чего застыл, Даню? Беги же!

Даже собственный дедушка Чэн Даню принялся подталкивать внука, веля поскорее привести пса.

Удары в ворота становились всё яростнее, а над ухом Даню не умолкал настойчивый, обвиняющий гул голосов.

— Даню, поторапливайся!

— Если не приведёшь кобеля, нам всем крышка!

— Ты что, хочешь погубить всю деревню?!

Чэн Даню не верил своим ушам. Во дворе буянила нечисть, но виноватым почему-то выставляли его.

Их пёс, Сяо Хэй, жил у них уже очень давно. Отец привёз его ещё тогда, когда Даню ходил в начальную школу. Сяо Хэй был необычайно умным зверем, преданно сторожил дом, а позапрошлым летом спас всю семью от затаившейся в траве ядовитой гадюки.

Даню души в нём не чаял. Сам порой мясо не доедал — отдавал любимому питомцу. Для него Сяо Хэй был не просто дворовой собакой, а настоящим членом семьи.

И теперь эти люди требовали зарезать его верного друга ради какого-то суеверия с кровью?

Он хотел возразить, закричать, но плотное кольцо обвиняющих голосов словно опутало его невидимыми цепями, лишая воли.

Внезапно кто-то грубо толкнул его в спину, выталкивая из толпы.

— Да что ты телишься, Чэн Даню! — рявкнул кто-то из толпы. — Если сам не приведёшь, мы его силой заберём! Эй, мужики, готовьте ножи! Как притащим кобеля — сразу режем, тёплая кровь вернее подействует!

Губы парня задрожали.

— Нет... не смейте...

Но его никто не слушал. Кого волнует жизнь какой-то собаки, когда на кону стоят их собственные шкуры?

Лжедаос, чуя, что запахло жареным, заверещал ещё громче:

— Живее, глупцы! Мои силы на исходе!

Односельчане гурьбой рванулись со двора в сторону дома Даню. Кто-то уже сжимал в руках лопату, кто-то нёс таз для сбора крови — они были настроены решительно.

У Даню на глаза навернулись слёзы бессилия, он метался перед ними, пытаясь преградить дорогу, но его просто сметали.

Пока толпа препиралась и суетилась, хитрый даос под шумок начал тихонько пятиться к выходу, намереваясь сбежать.

Но вдруг в ночном воздухе прозвучал холодный, чистый голос. Он был негромким, но заставил смолкнуть весь этот балаган.

— Даочан, и куда это вы намылились?

Напуганные люди замерли и обернулись на звук.

В тусклом свете уличного фонаря они увидели, что их «спаситель», только что призывавший к решительным действиям, уже прокрался в самый хвост толпы и воровато озирался.

Позади него, словно из ниоткуда, вырос Чу Вэй. Его ладонь мёртвой хваткой легла на плечо мошенника.

Староста опешил:

— Почтенный даочан, вы куда?

Даос забежал глазами, лихорадочно придумывая оправдание, но не успел вымолвить ни слова. Трое дюжих мужиков, удерживавших ворота, истошно завопили:

— Ломает!

С оглушительным треском створки распахнулись настежь, и державших их мужчин отбросило на землю.

Из темноты двора, неестественно выпрямившись, медленно шагнул усопший дядя Чжан — высохший, обтянутый синюшной кожей труп.

— А-а-а! Мертвец восстал! Спасайтесь, он идёт сюда! — в панике закричали люди.

Крестьяне в ужасе бросились врассыпную, лишь бы оказаться подальше от жуткого ходячего трупа.

Однако кошмар только начинался. Вокруг усадьбы будто выросла невидимая стена: в какую бы сторону ни бежали люди, они неизменно делали круг и снова оказывались перед распахнутыми воротами. Настоящая Призрачная Стена.

Тем временем мертвец нацелился на Чэн Даню, который в полном оцепенении и отчаянии застыл ближе всех к выходу.

— Даню, дурак, очнись! Беги! — истошно крикнул кто-то издалека.

Парень вскинул голову и увидел перед самым лицом скрюченные костлявые пальцы. Кровь прилила к вискам, а в голове забилась единственная обречённая мысль: «Конец».

Но в следующую секунду его с силой рванули назад. Знакомый спокойный голос произнёс прямо над ухом:

— Совсем рассудок потерял? Стоишь и ждёшь, пока тебя сожрут?

Время словно замедлило ход. Даню ошарашенно смотрел, как его верный друг, с которым они выросли вместе — тот самый тихий, вежливый мальчик, никогда не влезавший в драки и прилежно учившийся в школе, — вдруг стремительным движением перемахнул через него и с лёту впечатал подошву в грудь мертвеца. Сухой труп пушечным ядром отлетел назад и с глухим стуком покатился по земле.

Решив, что у него начались галлюцинации, Даню хрипло позвал:

— Чу Вэй?..

Тот даже не обернулся. Одним рывком оттащив друга подальше и буквально зашвырнув его в сгрудившуюся толпу односельчан, Чу Вэй развернулся и встал во весь рост.

Лишённый чувствительности мертвец тем временем быстро поднялся на ноги. Теперь его пустые глазницы уставились на нового противника — стоявшего перед ним юношу.

Чу Вэй прищурился. В неверном свете фонаря его тонкие черты лица казались высеченными из холодного нефрита.

Даню смотрел из толпы на прямую, непреклонную спину друга, не выдававшего ни тени страха перед чудовищем, и чувствовал, как реальность уходит у него из-под ног. Ему показалось, что он видит этого человека впервые в жизни.

Оградив испуганных односельчан собой, Чу Вэй резко вскинул руки, скрестив их перед грудью. Между его пальцами мгновенно зажалось веер бумажных талисманов. В ту же секунду, когда

мертвец рванулся в атаку, юноша точным, отточенным жестом метнул их вперёд.

Пять жёлтых листков со свистом рассекли воздух и намертво припечатались к сухим конечностям и лбу трупа.

Монстр застыл на месте как вкопанный, не в силах сделать больше ни шагу.

Опустив руки, Чу Вэй неторопливо подошёл к замершему мертвецу.

Даню хотел крикнуть ему, чтобы тот поостерёгся, но горло словно сдавило спазмом — он не смог издать ни звука. «Неужели это действительно мой Чу Вэй?»

Сбившиеся в кучу крестьяне онемели от потрясения. Они во все глаза таращились на молчаливого, замкнутого юношу, которого привыкли видеть совсем другим. Переглядываясь в полнейшей растерянности, люди не находили слов.

Отношение к Чу Вэю в деревне всегда было неоднозначным. Он слишком сильно отличался от местных жителей. Каждый из них прекрасно знал, откуда взялся этот приёмыш, но вслух об этом никто никогда не заговаривал.

К тому же здешняя молодёжь росла под стать отцам — крепкими, загорелыми, неотесанными деревенскими парнями. И лишь Чу Вэй стоял особняком. Природа наделила его такой утончённой, благородной красотой, что рядом с ним любой местный парень казался неотёсанной деревенщиной.

Вдобавок ко всему, он блестяще учился, из года в год оставаясь лучшим учеником не только в школе, но и во всём уезде. Подобное превосходство неизбежно рождало глухую зависть. Тем более что своим для деревни он так и не стал.

Большинство соседей сознательно избегали общения с ним: находиться рядом с таким идеальным юношей было невыносимо — любой на его фоне чувствовал себя жалкой кучкой придорожной пыли. И только простодушный Чэн Даню, весёлый и бесхитростный парень, искренне считал его своим лучшим другом детства.

Но сегодняшнее зрелище наглядно показало им всем: Чу Вэй был не просто одарённым умником — он обладал пугающим, запредельным могуществом, которое они даже представить себе не могли.

Юноша прошёл сквозь расступившихся людей, бесцеремонно схватил прячущегося даоса за шиворот и вышвырнул его вперёд, прямо перед толпой.

— Что же вы, почтенный мастер? — с тихой усмешкой спросил Чу Вэй. — Только что хвастались великим искусством, а при первой же опасности решили дать дёру?

<http://bllate.org/book/19040/1908102>